

Пэн Инцзе изначально планировал отправиться домой, но, забронировав номер в гостинице киногородка Хуаньши, решил, посоветовавшись с Гу Чжочжо, заранее присоединиться к съемочной группе и отправиться туда уже сегодня вечером.

Когда не было съемок, он мог наблюдать за тем, как играют другие, и помогать, что тоже было своего рода обучением.

Таким образом, ему пришлось разделить свои вещи на две части: в чемодан сложить самое необходимое для съемок, а остальное оставить для перевозки домой водителем.

Линь Си, приехавший с одним рюкзаком и уезжающий с небольшим чемоданом, никак не мог понять, как Пэн Инцзе умудрился за три месяца накопить в десять раз больше вещей. Но, видя, как тот изнемогает от упаковки, не смог удержаться и решил помочь.

— Ты точно не хочешь остановиться в жилье, которое предоставляет компания? — спросил Пэн Инцзе, складывая одежду.

— Нет, жилье, которое нашла компания, слишком дорогое. У меня пока нет доходов, так что нужно экономить, — Линь Си встал ногой на стол, чтобы снять ветряной колокольчик. — Мой старший брат позвал меня пожить у него. Хотя и тесновато, зато дешево.

— Это тот самый старший брат Линь, о котором ты часто говоришь? — вдруг спросил Пэн Инцзе. — Не клади его в чемодан, этот колокольчик я дарю тебе.

— Дар мне? — Линь Си держал колокольчик, собираясь сказать, что он слишком дорогой, но взгляд Пэн Инцзе остановил его.

— Я его изначально купил для тебя, — Пэн Инцзе, чьи рыжие волосы уже были перекрашены в черный, по-прежнему вел себя развязно. — Кто бы еще любил такие вещи, которые нравятся маленьким девочкам? Разве не ты в тот день, когда мы гуляли, смотрел на него с таким желанием? Он недорогой, возьми его.

В общежитии горел весь свет, и было очень ярко.

Линь Си вдруг почувствовал, что колокольчик в его руках стал весить тонну, и только через некоторое время произнес:

— ...Мне казалось, что он тебе тоже нравится, ты ведь иногда его трогал.

— Дурак, окно ведь нельзя всегда держать открытым, а если он висит и не звонит, то это скучно, правда? Ладно, бери его, не будь таким вежливым, это уже неинтересно!

Линь Си слегка покраснел и аккуратно упаковал колокольчик в коробку, в которой он был куплен, и положил его в свой маленький чемодан.

Вскоре приехал водитель Пэн Инцзе, и, потратив три захода, они наконец загрузили все вещи. Пэн Инцзе сидел в машине, высунув голову из окна:

— Ты точно не поедешь со мной? Я не спешу, могу отвезти тебя к твоему старшему брату!

— Нет, мне удобно на метро, — Линь Си выдохнул белый пар, плотно укутавшись в шарф, сделал шаг назад и помахал рукой. — Пока!

Пэн Инцзе глупо улыбнулся, и спортивный автомобиль, марку которого Линь Си не знал,

умчался прочь, исчезнув из виду.

Шум постепенно стих, и он почувствовал одиночество.

К счастью, есть старший брат Линь, с благодарностью подумал Линь Си, иначе жить одному было бы действительно одиноко. Даже если у старшего брата Линь дом небольшой, зато вдвоем легче справляться.

Линь Си нашел укрытие от ветра внизу и, просидев с телефоном в руках час, наконец дождался ответа от старшего брата Линь. Тот сообщил, что закончит ночную смену в десять вечера и будет дома примерно в половине одиннадцатого, попросив Линь Си, если тот придет раньше, подождать где-нибудь.

Линь Си, почувствовав облегчение, поволок чемодан к метро.

***

Гу Чжочжо узнал о том, что его на короткое время упомянули в трендах, только через два дня.

Он только что сыграл две сцены и, замерзнув, сразу после съемок стал дрожать, чуть ли не вставляя дрожь в свои реплики. Сяо Тан поспешила направить на него обогреватель, и он, дрожа, выслушал от Пэн Инцзе всю историю, после чего разозлился и отругал Хату:

— Почему ты мне не рассказал?!

Только что Вэнь Юэ прислал сообщение в WeChat, и Гу Чжочжо, прочитав его, почувствовал себя неважно. Вэнь Юэ сказал, что сегодня приедет навестить его!

Неужели из-за скандала?!

— Что бы ты сделал, если бы я тебе рассказал? Лучше пусть ты спокойно снимаешься, мы все уладили, и никаких последствий не было.

Хату спокойно чистил апельсин голыми руками, делая это с невероятной ловкостью:

— Главное, что девочка А Лин немного глуповата, кажется, она раньше училась за границей и не разбирается в китайском шоу-бизнесе. Твои фанаты ни на секунду не поверили, не говоря уже о том, что мы быстро все разъяснили. Сейчас внутри фан-базы обсуждают, есть ли у тебя связи.

— ...Ладно, ладно, — Гу Чжочжо хотел приклеиться к обогревателю. — Рано или поздно все равно узнал бы, так что без разницы. Но почему Вэнь Юэ так быстро приехал? Скоро конец года, я думал, он занят, раньше говорил, что приедет через пару недель...

— Может, из-за Рождества? — Сяо Тан вдруг сообразила, быстро разрешила апельсин на кусочки и поднесла один к губам Гу Чжочжо.

— Уже двадцать четвертое? — Гу Чжочжо почувствовал холод и отказался от второго кусочка.

К вечеру на съемочной площадке царил оживление, молодые люди шептались, а те, у кого не было дел, листали телефоны. Но съемочная группа не отпускала, и все могли только переписываться в WeChat и QQ, утешаясь тем, что отправляли друг другу красные конверты.

— Строго говоря, Рождество еще не наступило, — Мяо Хан принес пакет с грелками и

приклеил две на спину Гу Чжочжо. — Сегодня канун Рождества, а завтра уже само Рождество. На пешеходной улице у храма Тяньнин устраивают мероприятие, в этом году, кажется, поставили большую рождественскую елку, я видел в ленте друзей, как многие туда ходят фотографироваться.

Пешеходная улица у храма Тяньнин.

Гу Чжочжо отклеил грелку со спины, держа ее в руках, чтобы согреться, и вдруг вспомнил, как однажды был там с Вэнь Юэ.

— Разве это не происходит каждый год? — сказал Гу Чжочжо. — Я помню, десять лет назад... уже ставили елку, и все вместе считали, как будто это был Новый год.

— Ты бывал там? — Мяо Хан фыркнул. — Я думал, вы, богачи, не участвуете в таких народных мероприятиях. Да, каждый год считают, но в этом году все по-другому, елка выше, чем раньше — говорят, хотят побить рекорд самой высокой рождественской елки в мире.

...

И зачем это нужно?

Мяо Хан придвинул складной стул и сел, наблюдая, как массовка бежит туда-сюда на съемочной площадке:

— В прошлом году там построили небольшое колесо обозрения, оно близко к елке, и на фоне смотрится красиво. Если бы в городе не было запрета на фейерверки, торговые центры, наверное, с радостью бы запустили десять тысяч залпов, чтобы привлечь туристов.

Гу Чжочжо задумался, прижав щеку к грелке.

Неужели Вэнь Юэ приехал специально из-за Рождества?

Вспоминая, он понял, что то Рождество десять лет назад стало его последним праздничным воспоминанием.

После этого следующие десять лет он прожил как во сне, кроме сделок с землей в Цзянчэне, все остальные перемены были смутными. Он всегда сожалел о том Рождестве, если бы только он не капризничал, возможно, оба были бы счастливы, и не пришлось бы потом несколько дней ссориться.

Мяо Хан и Сяо Тан уже начали спор о том, должна ли елка быть такой высокой, Гу Чжочжо очнулся, услышав, как режиссер Янь зовет его, и снова отправился на площадку.

Пока еще не наступили самые холодные дни года, съемочная группа снимала сцены на улице.

Гу Чжочжо был в лучшем положении, так как его персонаж был болезненным, и он часто носил меховую накидку. Но для некоторых сцен, снятых в другие сезоны, нельзя было одеваться слишком тепло, например, сейчас он был в тонкой белой одежде, выглядел довольно элегантно, но, когда включали вентилятор, лицо почти немело. Еще хуже было то, что приходилось есть лед, чтобы при разговоре не было видно пара, иначе сразу становилось ясно, что это не тот сезон.

На закате режиссер снял множество дублей для монтажа.

На земле отражался оранжево-красный свет, и юноша с лицом, сияющим, как луна, медленно шел через двор. Это было настолько красиво, что многие начали снимать его на телефоны, забыв о красных конвертах.

Режиссер Янь, вдохновившись, снимал дольше обычного, и, когда наконец закончил, Гу Чжочжо буквально бросился со съемочной площадки.

Он так замерз, что не мог думать, и, не успев позвать Сяо Тан, почувствовал, как меховая накидка накрыла его с головой.

Гу Чжочжо вздрогнул, обернулся и увидел того, о ком давно думал, и на его лице естественно появилась улыбка:

— Вэнь Юэ!

— Холодно? — Вэнь Юэ прикоснулся рукой к его лицу, почувствовав ледяной холод, и сунул грелку, которую взял у Сяо Тан, в руки Гу Чжочжо.

Режиссер Янь, увидев их, крикнул:

— Сяо Гу, к тебе пришел друг?

— Да! — громко ответил Гу Чжочжо.

— Иди, сегодня ты больше не снимаешь.

Гу Чжочжо обрадовался:

— Спасибо, режиссер Янь!

Вэнь Юэ, стоя за спиной Гу Чжочжо, почувствовал, как тот слегка дрожит, и в его глазах появилась глубина. Он отвел его к обогревателю, чтобы немного согреться.

Они молча смотрели друг на друга. Гу Чжочжо чувствовал себя счастливым, глядя на Вэнь Юэ, и ощущал, что жизнь удалась.

— Почему молчишь? — вдруг улыбнулся Вэнь Юэ, дотронувшись до его мочки уха. — Тяжело? Что-нибудь случилось?

— Все хорошо, еще не дошли до ключевых сцен, потом будем снимать в помещении... там будут обогреватели и все такое.

<http://bllate.org/book/16422/1488532>